

ТЮМЕНСКИЙ писатель Зот Тоболкин — человек не очень говорливый, особенно когда речь идет о нем самом, о его жизни, работе. Коренной сибиряк, несколько медлительный, замкнутый, он игнорирует все журналистские ухищрения «разговорить» его. «Как-то неловко рассказывать о себе, — отнекивается Тоболкин. — Об истории говорить легче. Даже книги писать и то легче. Да, собственно, все про меня в них, в моих книгах, и сказано. Ведь хотим мы того или нет, но любая работа любого автора всегда в какой-то степени автобиографична».

И действительно: жизнь писателя Тоболкина можно проследить по его книгам. Стало быть, нет нужды искать тему, придумывать героев, моделировать ситуации, сюжеты. Достаточно только пристальнее всматриваться в окружающий мир, обратиться к своему разностороннему жизненному опыту, ничего не забывая, помнить все, даже самую незначительную, казалось бы, на первый взгляд мелочь. А тогда и деревенское военное детство, и работа в юности строителем, каменщиком, слесарем, и армейская служба в Белоруссии, Заполярье, затем Свердловский университет и снова Сибирь, на этот раз уже увиденная глазами профессионального журналиста, скитания по Северу с геологами, нефтяниками — все это предоставляет пищу для размышлений, все рано или поздно превращается в страницы пьес, повестей, романов.

Долго был путь к первому из них — «Припади к земле». Работу над этой книгой Тоболкин начал в 50-е годы, но повседневная газетная суэта отнимала время, не давала возможности сконцентрироваться на большой вещи. Роман увидел свет только в 1976 году. Однако еще раньше увидел свет, а точнее — сцену пьесы молодого автора — «Баня по-черному» «Верую!», «Журавли», «Лидер», «Взлетная полоса». А совсем недавно в издательстве «Современник» вышел его сборник «Лебяжий», куда во-

шел одноименный роман, повести «Клад» и «Сизиф». Новые работы писателя рассказывают об открытии и освоении нефтяных районов Севера, о трудных поисках и трудных победах, о сложнейших вопросах, которые предстоит решать первооткрывателям. В поле зрения критики сборник еще не попал. Но одно очевидно и несомненно: книга написана человеком заинтересованным, искренним, досконально знающим «предмет». И потому герои его — не голубые романтики, приехавшие в Сибирь «за туманом и за запахом тайги», а люди, делающие большое, важное и очень нужное стране дело.

В ГОСТЯХ У ПИСАТЕЛЯ

В Р Е М Е Н С В Я З У Ю Щ А Я Н И Т Ь

В Тюмени сейчас много о романе говорят, спорят. Но всегда интересно зафиксировать самое первое, самое свежее впечатление. О новой книге писателя, о его умении запечатлеть мгновенно, живую историю, рассказать о том, что «болит» именно сегодня, мы беседовали с другом Тоболкина, одним из первых читателей его книг, членом-корреспондентом АН СССР, лауреатом Ленинской премии, директором Западно-Сибирского научно-исследовательского геологоразведочного нефтяного института И. И. Нестеровым. Это человек очень интересный, энциклопедически образованный, хорошо знает литературу, да и сам пишет лирические стихи. Иван Иванович рассуждал о новом романе в основном не с точки зрения его художественных особенностей, а как о своеобразном документе, повествующем о тюменской нефти. По ходу анализа он

совершал подробный экскурс в историю, вспоминал имена и события, даты и географические названия, то и дело обращался к Зоту Корниловичу («этого человека я узнал, эта сцена написана хорошо, а вот этот эпизод никуда не годится, все было совсем не так»). Тоболкин в ответ громко и сердито сопротивлялся: мол, не его это дело — фотографировать события, и вовсе не о конкретных людях он писал, и что-то еще о типичности... Но было видно: его авторское самолюбие удовлетворено, как о том свидетельствует авторитетное мнение И. И. Нестерова, вы-

сокой степенью проникновения в реальную жизнь.

Кстати, здесь, в Тюмени, невозможно вести какие-либо абстрактные разговоры о литературе; их тут же ваш собеседник переведет из общехудожественного плана в план практический, житейский. Быть может, поэтому Зот Корнилович восстал против попыток объединить его работы под эгидой «производственной темы».

— Так вы совсем запутаетесь, — говорит Тоболкин. — Я ведь много пишу и о сибирской деревне, стало быть, «деревенщик». Мне кажется, все разговоры и все дискуссии об этих самых «темах» — не от силы, а от слабости. Какая разница — в поле или за станком? Важно, думается, другое: показать, как один маленький человек вырастает в громадную общественную единицу. Недавно закончил пьесу «Про Татьяну». Героиня — директор сельского комплекса, депутат Верховного Совета СССР. Но для меня она прежде всего не директор, а современная женщина, чью загадку пытаюсь разгадать. И вижу: не так уж она счастлива, как может показаться с первого взгляда. И думаю: не оттого ли, что, делая дело исключительной важности, она часто забывает об окружающих ее людях... Я клоню вот к чему — в литературе главное не определение темы, а человек. А уж если что-то и объединяет всех моих героев, то это чувство причастности к родной земле. Все они — хозяева на этой земле.

— А как вы для себя определяете роль человека — хозяина на земле?

— Да что тут определять? Мы много пишем и говорим о добром отношении к воде, тайге, лесу. И тем не менее, ох, как нередки случаи варварского обращения с природой. И засоряются реки, и устраиваются свалки в озерах, и рушатся леса, либо потому, чтобы поскорее построить дорогу, либо потому, что они под боком и их можно использовать для строительных целей. Сколько еще вокруг нас бесхозяйственности! Судите сами. Я в шестидесятые годы много ездил по Сибири; мне пришлось быть свидетелем рождения новых городов — Мегиона, Нижневартовска, Надыма, Нефтеюганска, Уренгоя. С болью наблюдал, как, строя новые города, мы мало учитываем ошибки прошлого. Растет город, могучие машины взрывают землю, валят таежные чаши, сгребают все в кучу. Кедр наш знаменитый сибирский более ста лет рос, а его в мгновение сносят бульдозером. А через некоторое время те, кто сносит, — жители новых кварталов — выходят на воскресники и начинают озеленять город, высаживая хиленькие прутики. Но ведь можно и по-другому. Жил когда-то в маленьком поселке Фарман Салманов, ныне знаменитый на всю страну первооткрыватель тюменской нефти. Он не ломал деревья на берегу Оби. И вырос удивительно красивый город с прекрасным названием Горноправдинск.

А сейчас меня очень серьезно интересует и волнует так называемая «проблема Антибола» — поворот вод Сибири в Азию. Мне бы хотелось разобраться, понять все как следует. Родилась идея повернуть наши сибирские реки от Ханты-Мансийска и Тобольска по параллельному руслу и таким образом послать их в Среднюю Азию,

чтобы они здесь давали воду, орошали хлопковые плантации. Но возникает масса вопросов: такой поворот вызовет продвижение оледенения вплоть до Ханты-Мансийска, разольются воды, погибнут прекрасные рыбные запасы. Так что и здесь надо очень крепко подумать, чтобы поступить по-хозяйски.

Проблем много — и экологических, и производственных, и нравственных. И в центре их — опять же человек...

Зот Тоболкин — автор пьес, романов и повестей о наших современниках, людях земли, нефтяниках, строителях. Но поистине гигантский всплеск интереса к истории не прошел мимо него. И вот уже сдан в издательство роман «Грустный шут». Время действия — XVII век. Один из главных героев Тимка Барма (он и есть грустный шут), по авторскому замыслу, чем-то напоминает Тилу Уленшпигеля. Всех членов его раскольниковой семьи носит по свету: родители сосланы в Сибирь, один сын — мореход, второй, Тимка, по странному стечению обстоятельств, связан с царем, с его придворными, с Меншиковым. Но волею судеб в конце концов все их пути сходятся в Тобольске...

Приехали в этот прекрасный старинный город и мы с Зотом Корниловичем. В Тобольске все располагает к занятиям историей, все дышит ею: и мемориальные доски на домах, где жили ссыльные декабристы, и Софийский кафедральный собор, и шведская палата, и Меновой двор, и Рентерея, и игрушечное деревянное здание первого в Сибири драматического театра. Прогулки по древним улицам, рассказы моего спутника о далеких смутных временах как бы воскрешают век семнадцатый, когда Тобольск был крупным городом Сибири, городом, двести лет главенствующим в «дальней заочной государевой вотчине»... И вот мы видим: в старинный собор входит посланный в суровый северный край протопоп Аввакум, неистовый Аввакум, с золотым посохом и золотыми шарами-яблоками, которые было положено носить только архиерею; вот он служит службу в соборе, и люди, затаив дыхание, слушают его страстные проповеди; а вот он, известный своим круглым нравом, проклиная публично в церкви прославленного сибирского воеводу и поверженного, умершего, не позволяет три дня хоронить. Сия история доходит до царя, и протопопа посылают на Дальний Восток, в Даурию...

Все это будет в романе, над которым сейчас работает Зот Тоболкин (кстати, он станет первой частью задуманной дилогии, а уже написанный «Грустный шут» — второй). Но герой его — не столько сам Аввакум, сколько его жена Марковна.

— Это человек удивительной стойкости, — говорит Зот Корнилович, — она делила со своим мужем тяготы жизни, прошла всю Россию, Сибирь (гораздо позже героический путь повторили жены декабристов), на берегу озера погибала с голоду, волной смыло ее ребенка. Дни свои закончила в заточении, в подземелье. И если имя протопопа всемирно известно как имя первоурусского литератора, идеолога раскола, то Марковна — всего лишь тень при нем. А для меня она — самый героический персонаж, она родная тем женщинам, которых я видел во многих сибирских деревнях, которых люблю, ценю, уважаю, о которых писал и буду писать.

Человек вчера и сегодня. Какую он может пользу принести, что движет его поступками, как он, хозяин земли, мыслит свою жизнь? Человек — это та связующая нить, которая объединяет два пласта — историю и современность — в творчестве писателя.

С. ТАРОЩИНА,
специальный
корреспондент «ЛГ»
ТЮМЕНЬ—ТОВОЛЬСК